

УДК 316.658.2:165.021

Цифровое общество и цифровая антропология: трансдисциплинарные основания социально-эпистемологических исследований

С. В. Тихонова, С. М. Фролова

Тихонова Софья Владимировна, доктор философских наук, профессор кафедры социальных коммуникаций, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, segedasy@yandex.ru

Фролова Светлана Михайловна, доктор философских наук, профессор кафедры философии культуры и культурологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, frolovasvetla777@yandex.ru

Статья посвящена методологическим проблемам изучения цифровой социальной реальности и цифровой повседневности. В современном обществе цифровые технологии опосредуют весь комплекс социальных отношений, связывая государство, организации, индивидов в сложнейший технический объект. Новый технологический уклад, интегрирующий конвергентные технологии, радикально преобразует ландшафт человеческой телесности, повседневности и творчества. Переход к Интернету вещей и практики самоулучшения человека становятся вызовом для антропологических способов определения сущности и границ человеческого. Авторы вскрывают специфику внедрения цифровых технологий в социальную жизнь. Поскольку в государственном строительстве они обслуживают воспроизводство современных моделей государствогенеза в традиционном ключе социального управления, радикальные инновации цифровых структур связаны с трансформацией возможностей масс инициировать социальную динамику. Используя новые цифровые технологии для повседневных проблем, индивиды в цифровом обществе рутинизируют использование первых, расширяя и модифицируя диапазон их применимости, заложенный разработчиком, через накопление и распределение социального опыта, преодолевая технологическое отчуждение. На этом основании авторы предлагают методологическую платформу философского исследования цифрового общества, интегрируя социальную философию, социальную эпистемологию и цифровую антропологию в единый трансдисциплинарный проект.

Ключевые слова: социальная философия, социальная эпистемология, социально-эпистемологические исследования, цифровая антропология, цифровое общество, трансдисциплинарность.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-3-287-290>

Цифровизация социальной реальности вызвала к жизни множество концептов, интерферирующих в программах государственной политики, легальных текстах, футурологических трактатах и социальных теориях. Начиная с 60-х гг. XX в. идеи о совершенствовании социальной коммуникации с помощью сначала ЭВМ, а позднее интернет-технологий выражались посредством понятий

технотронного, телематического, компьютерного, информационного обществ. Каждое из них генетически связано с конкретными решениями в области информационно-коммуникационных технологий, политическим национальным курсом, господствующей идеологией и доминирующим философским течением. Не последняя роль в этой игре понятиями отводилась и продолжает отводиться моде и желанию отстроиться от предшественников, продемонстрировать сверхактуальность предлагаемой картины социальной реальности. Сегодня все чаще исследователи говорят о цифровом обществе, употребляя это словосочетание практически в том же смысле, для которого еще десятилетие назад использовали термин «информационное общество», но подразумевая применение набора куда более мощных и совершенных технических средств для социального воспроизводства. В данной статье под цифровым обществом мы будем понимать такую форму социального порядка, в которой все ключевые социальные связи выстраиваются с помощью цифровых сервисов интернет-коммуникации или, как минимум, опираются на дублирование традиционных и цифровых способов их установления и поддержания. Постараемся обозначить основные направления социально-философского анализа цифрового мира, в котором индивид не только сам зависит от развития технологий, но и имеет возможность на него влиять. Технонаучная среда цифрового общества может быть рассмотрена только сквозь призму трансдисциплинарного подхода, в котором объекты анализа (индивиды цифрового общества) позиционированы в качестве активных акторов, способных слабопредсказуемо влиять на общее направление технологического развития. Постараемся прояснить методологические основания такого подхода.

Социально-философский анализ влияния цифровых инструментов длительное время строился в формате структурно-функционального анализа. Сетевая парадигма анализа социальных процессов, сформированная на основе трудов М. Кастельса [1, 2], оперировала понятием «сетевое общество», подчеркивая роль интернет-сетей в появлении нового типа социальной организации.

Однако массовое распространение интернет-сетей и даже сервисов социальных сетей не вызвало радикальных необратимых изменений в современных социальных системах. Скорее наблюдается мягкое «обрастание» вертикальных ансамблей властных иерархий горизонталями сетей при усилении диффузии и снижении четкости дифференциации внутренних элементов иерархий. Сети не вытеснили древовидные вертикали, но они смягчили и размыли их, вывели на прямую связь с акторами микроуровня. Причина этого – не столько ригидность и инерционные процессы, сколько прагматический характер концепции «цифрового общества», ее встроенность в процессы государственного строительства. Государства как субъекты внутренней политики с конца 90-х гг. XX в. активно модернизируют свои системы массовой информации, заменяя массовую коммуникацию с гражданами по модели «компетентный представитель – неопределенно большая аудитория» моделью «единое окно – идентифицированные все». В новых коммуникационных ансамблях повышается прозрачность управленческих процессов для наблюдателя, с одной стороны, а с другой – используются различные (от педагогических до экономических) средства стимуляции гражданской активности, поскольку потребление государственных и муниципальных услуг пассивным гражданином невозможно. Масштабность государственного реформирования, связанного с информатизацией государственно-управленческих процессов, ограничила стихийное развитие сетевых процессов, канализировала их и привязала к заложенной Модерном модели конституционных правовых социальных государств, управляющих социальной динамикой своих обществ.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, согласно которому анализ структуры цифрового общества на макроуровне осуществим, скорее, средствами правоведа и политологии, нежели инструментами социальной теории. Ключом к пониманию специфики цифрового общества является массовый микроанализ, позволяющий ответить на вопрос, как статус пользователя Интернета изменил обывателя.

Коммуникационная революция впервые открыла массам доступ к групповым и массовым каналам коммуникации, прежде доступным только элитам. Политические кризисы конца прошлого века были связаны с перманентным молчанием масс, подрывавшим манипулятивный потенциал традиционных инструментов информационного воздействия. Распространение Интернета сначала выдвинуло на передний план класс интеллектуалов. Но удешевление доступа к Интернету и расцвет мобильных интернет-технологий привели к

тому, что в армию пользователей были рекрутированы и социальные низы. Современные мессенджеры вполне эффективно обслуживают даже общение неграмотного населения стран третьего мира с помощью видеосвязи и систем эмодзи. Снижение образовательного ценза пользователей стало основой тотального распространения политик постправды, господства оценок контента на основе эмоций и личных убеждений. Массы в XXI в. весьма мобильны, контактны, оперативны. Она однозначно более образованна, чем массы XIX и даже XX вв., ее солидарность и способность к краткосрочной кооперации также выгодно отличается, поскольку установление контактов, их поддержание и реализация интеракций в современном технологическом укладе гораздо комфортнее и дешевле. Массы больше не анонимны, поскольку логика работы социальных сетей требует от пользователей обилия достоверной персональной информации.

Большая часть потребляемой массами информации производится ею же самой, поэтому от массовых эмоций зависит очень многое в принятии решений и массы чаще становятся источником социальных изменений. Впрочем, развитое массовое сознание и рациональное долгосрочное достижение целей для массы по-прежнему остаются, скорее, утопией. Тем не менее основные изменения масс, вызванные цифровизацией общества, носят социально-эпистемологический характер и связаны с трансформацией источников и структуры обыденного познания. Не случайно Фр. Шмитт трактовал социальную эпистемологию как концептуальное и нормативное исследование релевантности знанию социальных отношений, ролей, интересов и институтов [3]. Массы цифрового общества действуют иначе, потому что их повседневное познание специфически организовано. Цифровое общество не может быть описано только как общество с большим количеством развиваемых индивидами (при помощи цифровых технологий) эгоцентрических социальных связей. Это общество, в котором способы формирования потребностей в новых связях, способы установления связей и системы ожиданий укоренены в цифровизированном жизненном мире и основаны не только на индивидуальном, но и на коллективном социальном опыте масс, объективированном в медиасфере. Социальность воспроизводится в нем на основе повседневного знания, распределенного в социальных сетях.

Главные завоевания сетевой революции на микроуровне социума сегодня очевидны. Это коммуникационное раскрепощение субъекта и преодоление технологического отчуждения. Информационно-коммуникационные технологии не

перестали быть черным ящиком для пользователя, их непрерывное обновление определили общедоступность для широкого круга пользователей и обусловили рутинизацию технологий в пространстве повседневности.

Рутинизация – привычный, не замечаемый порядок действий, который согласно А. Шюцу по отношению к миру повседневности носит прагматический характер. Технологии воздействуют на повседневность, изменяют и преобразуют ее, а также модифицируют уклад жизнедеятельности человека, возводят применение технологий в ранг неотъемлемой составляющей бытия. При этом чем интенсивнее задействованы технологии в повседневности, тем больше индивиды зависимы от них.

Ситуация, при которой повседневное пространство заполняется интернет-вещами и «привязывается» к сетевой перцепции, позволяет говорить о «колонизации повседневной жизни обработкой информации» [4, с. 49], предполагающей встроенность цифровых устройств с последующей трансляцией получаемых данных в социальную среду. На современном этапе развития цифровые технологии пока не имеют прямой связи друг с другом, но нарастающий процесс технической интеграции проецирует новые возможности цифровых новаций и в будущем создадут такие формы взаимодействия, которые смоделируют иную реальность, существование в ней без использования цифровых технологий будет восприниматься как утопия.

Сегодня без навыков работы с цифровыми технологиями сложно представить не только свершение новых открытий, но и просто комфортное существование в реалиях повседневности. Образование, медицина, производство активно компьютеризируются: теперь хирургические операции выполняет робот, лекции читаются в режиме онлайн, электронные книги вытесняют книги на бумажном носителе, любимые мелодии перенесены в облако, биткойн выступает альтернативой наличных денежных средств, а быстрое заключение сделки и контроль за выполнением условий договора могут обеспечить самоисполняемые или «умные контракты». «Монетизация обыденного опыта» и «опривычивание» технологий трансформируют межличностные связи, меняют отношение к компьютерным и цифровым технологиям настолько, что исследователи ставят вопрос о необходимости рассмотрения взаимодействия компьютера и человека как социальное [5].

Таким образом, именно цифровая повседневность составляет специфику социальной реальности цифрового общества. Она не детерминируется технологиями прямо – известно множество слу-

чаев, когда технологические цифровые проекты обживались пользователями совсем иначе, чем это планировалось их разработчиками. И здесь ключевым инструментом социально-философского анализа, центральным источником данных оказывается цифровая антропология.

Цифровая антропология изучает особенности существования человека в мире, созданном цифровыми, компьютерными технологиями, сетевыми средами, а также последствия влияния виртуальных и технических новаций на человека, исследует его медиазависимость. Особенность сформированной цифровыми технологиями среды обусловлена, с одной стороны, ее искусственностью, с другой – невозможностью отказа от использования «цифры» в современных условиях бытия.

Индивиды в цифровом обществе массово включены в процесс отбора технологических сервисов и решений, доместификация которых задает потом параметры развития сервисов электронного государства на макроуровне. Кроме того, технологическая селекция направляет векторы распределения знания и доступа к аккумулярованному в цифровом пространстве социальному опыту. Таким образом, цифровая антропология как инструмент трансдисциплинарного анализа позволяет вскрыть взаимовлияние новейших цифровых технологий и пользователей в процессе рутинизации технологий. Она высвечивает механизмы селекции цифровых технологий и их включенность в процессы распределения повседневного знания и, шире, социального воспроизводства. В методологическом комплексе социально-философского исследования цифрового общества можно обозначить следующий трансдисциплинарный вектор: социальная философия – социальная эпистемология – цифровая антропология.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект «Социальное конструирование исторической памяти в цифровом мире», № 19-011-00265).

Список литературы

1. *Кастельс М.* Галактика Интернет : Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева. Екатеринбург : У-Фактория, 2004. 328 с.
2. *Кастельс М.* Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе / под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Academia, 1999. 631 с.

3. Schmitt Fr. F. *Socializing Epistemology // Socializing Epistemology. The Social Dimensions of Knowledge / ed. by Fr. F. Schmitt. Lanham, Md. : Rowman & Littlefield, 1994. 315 p.*
4. Гринфилд А. *Радикальные технологии : устройство повседневной жизни. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 424 с.*
5. Земнухова Л. В. *Взаимодействие человека и компьютера через призму формальной социологии // Социология власти. 2013. № 1–2. С. 111–121.*

Образец для цитирования:

Тихонова С. В., Фролова С. М. *Цифровое общество и цифровая антропология: трансдисциплинарные основания социально-эпистемологических исследований // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 287–290. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-3-287-290>*

Digital Society and Digital Anthropology: Transdisciplinary Foundations of Social and Epistemological Research

S. V. Tikhonova, S. M. Frolova

Sofiya V. Tikhonova, <https://orcid.org/0000-0003-2487-3925>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, segedasv@yandex.ru

Svetlana M. Frolova, <https://orcid.org/0000-0002-2586-1291>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, frolovasvetla777@yandex.ru

The article deals with the methodological problems of exploring digital social reality. In modern society, digital technologies mediate the whole complex of social relations, linking the state, organizations, and individuals in a complex technical object. The new technological order integrating convergent technologies radically transforms the landscape of human corporeality, everyday life and creativity. The transition of things and the practice of human self-improvement to the Internet is becoming a challenge for anthropological methods of determining the essence and boundaries of the human. The authors reveal the specifics of the digital technology introduction in the social life. Since digital technologies maintain the reproduction of modern models of state in state construction along the traditional lines of social management, radical innovations of digital structures are associated with the transformation of the possibilities of masses to initiate social dynamics. Using new digital technologies for everyday problems, individuals routinize these technologies expanding and modifying the range of their applicability, laid down by the developer, through the accumulation and distribution of social experience and overcoming technological alienation. On this basis, the authors propose a methodological platform for the philosophical study of a digital society, integrating a social philosophy, social epistemol-

ogy and digital anthropology into a single transdisciplinary project.
Keywords: social philosophy, social epistemology, digital anthropology, digital society.

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (the project “The social construction of historical memory in the digital world” No. 19-011-00265).

References

1. Kastells M. *Galaktika Internet: Razmyshleniya ob Internetе, biznese i obshchestve* [The Internet Galaxy: Reflections on Internet, Business and Society]. Trans. with engl. A. Matveev. Ekaterinburg, U-Faktorija, 2004. 328 p. (in Russian).
2. Kastells M. Formation of the Society of Network Structures. In: *Novaya postindustrialnaya volna na Zapade. Antologiya* [New post-industrial wave in the West. Anthology]. Ed. by V. L. Inozemtsev. Moscow, Academia, 1999. 631 p. (in Russian).
3. Schmitt Fr. F. *Socializing Epistemology*. In: *Socializing Epistemology. The Social Dimensions of Knowledge*. Ed. by Fr. F. Schmitt. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 1994. 315 p.
4. Grinfeld A. *Radikalnye tekhnologii: ustrojstvo povsednevnoj zhizni* [Radical technologies: the mechanism of everyday life]. Moscow, Publ. House “Delo” RANЕan-dPA, 2018. 424 p. (in Russian).
5. Zemnuhova L.V. The Human-Computer Interaction Through the Prism of formal Sociology. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power], 2013, no. 1–2, pp. 111–121 (in Russian).

Cite this article as:

Tikhonova S. V., Frolova S. M. *Digital Society and Digital Anthropology: Transdisciplinary Foundations of Social and Epistemological Research. Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 287–290. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-3-287-290>*
